

Посвящается Ханке (1934–2004)

ВВЕДЕНИЕ

Труд, который я предлагаю на суд всех, кому захочется его прочесть, посвящен новой сфере в исторической науке, переживающей стадию бурного развития: сфере имажинарного.

Профессор-медиевист Эвелин Патлажан определяет ее так: «Сфера имажинарного представляет собою совокупность представлений, выходящих за пределы, устанавливаемые фактическим опытом и дедуктивным мыслительным рядом, объясняющим этот опыт. Можно сказать, что каждая куль-

тура, да и каждое общество, даже каждый уровень сложносоставного общества имеют свое имагинарное. Другими словами, граница между реальным и имагинарным неопределенная, в то время как территория прохождения этой границы всегда и повсюду одна и та же, поскольку она есть не что иное, как область человеческого опыта в целом, от самого социально-коллективного до самого интимно-личного».

В моей книге «Средневековое имагинарное» я попытался прокомментировать это определение имагинарного. Прежде всего — необходимо отделить его от близких понятий. В первую очередь — от представления. Эвелин Патлажан справедливо говорит об имагинарном как объединении совокупности представлений, однако эта слишком общая вокабула охватывает вообще все ментальные проявления окружающей внешней реальности. «Имагинарное частично заходит в область представления, но занимает там часть проявления невозпроизводимого, не просто переплавленную в образы духа, но обладающую творящей силой саму по себе, поэтическую в этимологическом смысле». Имагинарное выходит за пределы представления и увлекает в иные миры посредством фантазии в самом сильном смысле этого слова. Имагинарное питает и создает легенды, мифы. Его можно определить как систему снов общества, снов цивилизации, трансформирующей реальность во вдохновенные духовные видения. Далее, имагинарное необходимо также отделять и от символического. Средневековый Запад предполагал систему символов как основу — начиная с постоянных ссылок на Ветхий Завет, символическим отображением которого был Новый. В качестве примера приве-

дем определение, которое одному из чудес этой книги дал Виктор Гюго, — вот как поэт описывает собор Парижской Богоматери глазами Квазимодо: «Собор для него был не просто обществом, но еще и целым миром, но еще и всей природой», он творит символический собор, но еще и собор имажинарный, ибо «любая церковь глаголет о чем-нибудь фантастическом, сверхъестественном, ужасном; тут повсюду отворяются глаза и рты». И наконец, необходимо разделять имажинарное и идеологическое. Идеологическое проникнуто концепцией мира, пытающейся навязать представлению смысл, который столь же искажает материальную «реальность», как и реальность иную, «имагинарную». Средневековая мысль, средневековое слово построены именно на такой идеологии, которая заставляет имажинарное служить себе для вящей убедительности: например, мотив двух мечей, символизирующих власть духовную и власть светскую, будучи поставлен на службу церковной идеологии, подчинявшей мирской меч мечу духовному, использовал образ меча или шпаги, являющийся одним из сильнейших элементов средневекового имажинарного, проникнутого безудержной воинственностью. Термин «имагинарное», конечно же, восходит к слову *imagination* — воображение, но история имажинарного не есть история воображения в традиционном смысле слова, а это история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью. Эта история началась несколько десятилетий назад, когда историки научились извлекать из образов новые смыслы. Жан-Клод Шмит, один из тех

ученых, что посвятили жизнь изучению этой новой истории образов и через образы, подчеркивал, что новый смысл образов для историка очень хорошо соотнобразуется со значениями слова *imago* в Средние века. «Это понятие действительно стоит в самом центре средневековой концепции мира и человека. Оно имеет в виду не только видимые объекты, но еще и “образы” речи, оно соотносится и с “ментальными” образами памяти и мышления, снами и видениями...

Наконец, понятие образа касается и всей христианской антропологии, поскольку в самых первых строках Библии человек соотносится со словом “образ”: Яхве говорит, что создал человека *ad imaginem et similitudinem nostram*, то есть по своему образу и подобию (Бытие, I: 26)». Эта книга представляет собой свод текстов и сочлененных между собою образов, и она стала возможной благодаря учености и исканиям Фредерика Мазюи, великолепного иконографа. Целью сего труда не является дать глобальное представление о средневековом имагинарном, а лишь охарактеризовать его через отдельные общеизвестные компоненты целой большой совокупности. Речь, как и предупреждает заглавие, о героях и чудесах. Слово «герой», которым в Античности называли того, кто отличился необыкновенной храбростью, одержал множество побед и при этом не принадлежал к высшей касте богов и полубогов, с приходом Средних веков и христианства исчезает из средневековой речи и средневековой культуры. Отныне люди, считающиеся героями, при том что это слово не произносится вслух, — это новый тип человека — или святой, или верховный владыка, то есть король. Недавно я посвятил свой труд

этим двум категориям средневековых «героев». Герои, о которых идет речь в настоящей книге, — персонажи высокого положения или высокого полета, но это не святые и не короли. То, что я имею сейчас в виду, — это слово, которое в средневековой речи ближе всего к старофранцузскому и которое я хочу обозначить здесь французским словом *preux* (богатырь, витязь), в конце XII века из прилагательного превратившимся в существительное. Слово это, от которого произошло и *proouesse* — смелость, отвага, подвиг, — связано в XII веке с высшей воинской доблестью, и означает оно чаще всего смельчака, славного рыцаря. В XIII веке оно главным образом ориентируется на обозначение рыцаря куртуазного, учтивого, красивого, отважного. В представленных здесь героях мы еще встретим и воинскую доблесть, и куртуазность. Некоторые из наших персонажей — лица исторические, но и они быстро стали легендарными — так произошло с Карлом Великим и с Сидом. Иные — полулегендарные, они выросли из темных и иногда просто неясных корней до статуса героев. Так случилось с бретонским королем Артуром, чье имя встречается в очень древних летописях Средневековья, или с графом Роландом, который действительно был племянником Карла Великого, но больше о нем ничего не известно.

Наконец, есть и чисто легендарные фигуры. Это, например, подложный папа, оказавшийся женщиной — папессой Иоанной, или рыцарь-разбойник, защитник слабых, связанный с лесным миром, Робин Гуд, упоминающийся в летописях XIV века, без малейшего подтверждения его исторического существования в реальности. Это — тут уж сомневаться не приходится — фея Мелюзина

и волшебник Мерлин. Даже в первом приближении перечень показывает, что на границе между историей и легендой, между реальностью и воображением средневековое имагинарное строит взаимопроникающий, смешанный мир, представляющий собой сущностный сплав той реальности, что возникает из ирреальности существ, возбуждавших воображение средневековых мужчин и женщин. Читатель может сам видеть, что в этой книге нет ни одного персонажа, который бы ни получил в Средние века или позже статус персонажа легендарного: например, Жанна д'Арк не поражала средневековое воображение, и, даже став персонажем квазилегендарным, она на самом деле не выпала из истории, а если и так, то просто для одних стала подлинной святой, а для других — носительницей националистической идеологии. По перечню видно и то, что представленные здесь герои главным образом мужского пола. Это органично отражает те времена и ту цивилизацию, которую Жорж Дюби называл «грубым мужским обликом Средневековья». И все-таки нельзя — и даже никак нельзя — утверждать, будто женщина совсем не развивалась в эпоху Средневековья, включая и территорию мифов и легенд, и на этих страницах мы встретимся с четырьмя женщинами, совершенно непохожими друг на друга. Одна из них — личность романтическая, она в самом сердце куртуазной темы, зовут ее Изольда, и я не захотел разлучать ее с Тристаном — в этой книге она представляет от имени знаменитых пар, населяющих общественную жизнь и имагинарное Средних веков: Элоизы и Абеляра, святого Франциска и святой Клары Ассизской, Тристана и Изольды. В своем труде я не пожелал разлучить

их, к чему без всякой жалости стремилась легенда, так в этом, к счастью, и не преуспев. Другая женщина — плод фантазий клириков. Она хорошая иллюстрация того, как велик был страх, который испытывали перед женщиной, этой новоявленной Евой, перед ее обаянием и ее уловками свирепые и нескладные вояки. Экий будет скандал, да просто полная катастрофа, случись вдруг женщине коварно проникнуть в мужское тело и вжиться в мужскую роль, которой достоин только мужчина. Из такого страха, из такого фантазма и родилась легендарная папесса Иоанна.

Две другие героини этой книги — существа сверхъестественные, сказочные; они — свидетельство присутствия в самой глубине христианского Средневековья тем и персонажей, доставшихся в наследство от языческих верований, худо-бедно побежденных или просто поверхностно христианизированных. Из германского языческого мира выступает дева-воительница, охраняющая врата тевтонского рая — Вальхаллы, и зовут ее Валькирия. Другая родом из мира кельтского и inferнального — это Мелюзина. Я хотел бы уже сейчас подчеркнуть важность в средневековом имажинарном того, что несколько неопределенно называют «народной культурой». Эта книга не сосредотачивается специально — хотя мы их еще встретим рядом с нашими героями — на «чудесных» объектах, тут читатель не найдет статей, посвященных таким важным предметам средневекового имажинарного, как мечи, например Жуайез Карла Великого, Дюрандаль Роланда, Экскалибур Артура, или любовные напитки, сыгравшие такую важную роль в истории Тристана и Изольды; наконец, нет и статьи о таком таинственном и мистическом